

Татьяна Трошина

**Документы личного происхождения,
собранные в 1920–1930-е гг. Комиссиями
по истории партии и революции (истпартами)
как источник этнографической
и историко-культурной информации
(на материалах Вологодского
и Архангельского архивов)**

Поводом для данной статьи стало стремление автора познакомить этнографов и антропологов с видом источников, который может быть им малоизвестен. Он довольно широко применяется современными историками, будучи схожим по форме с «устной историей», однако при должном внимании в нем можно обнаружить достаточно большой пласт этнографической информации.

Одной из основных проблем репрезентативности устной информации, получаемой в полевых условиях, является то, что информанты вольны предоставлять те сведения, которые считают нужным. В традиционной культуре всегда присутствовала определенная этика в отношениях с «чужими», в разговорах с ними. Крестьянам была свойственна деликатность, приветливость, стремление не выражать своего действительного отношения к собеседнику, подчеркнутое уважение к чужому мнению; существовал «традиционный такт разговора» с «чужими» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 56. Л. 5], стремление пойти навстречу пожеланиям «гостя» — будь то путешественник или чиновник; в предреволюционные и революционные годы таковыми были многочисленные «агитаторы».

Татьяна Игоревна Трошина

Поморский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова,
Архангельск
tatr-arh@mail.ru

За исключением экстремальных ситуаций (например, бунтов, массового недовольства) таким «чужим» не возражали, стремились ответить на все их вопросы. Другое дело, каково было истинное отношение крестьян к этим людям, в каком объеме и в какой форме выдавалась им желаемая информация. В качестве примера можно привести два документа, относящиеся к марту-декабрю 1920 г., когда в Вельском уезде Вологодской губернии проходили беспартийные крестьянские конференции. В своем отчете секретарь уездного комитета партии охарактеризовал крестьянских депутатов как проявлявших «настроение <...> идиотски рабское с оттенком анархизма» [ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 2. Д. 58. Л. 17]. А вот оценка, данная коммунистам самими крестьянами, участниками конференции (она стала известной в связи тем, что произошел внутриобщинный раскол и среди крестьян нашелся «принципиальный человек», который изложил услышанное на сельском собрании в письме в уездные органы власти): «Эти коммунисты <...> все хвалятся, другие прямо дураки. <...> Нет, брат, ничего они не сделают, а вот остальное дозорят», — при этом теми же крестьянами признавалось, что «какая бы власть ни была, а мы должны повиноваться» [Архив УФСБ. Д. П-21274. Т. 7. Л. 67–68, 71об].

Автору этой статьи во время многочисленных историко-бытовых экспедиций, в которых ей довелось принимать участие как музейному работнику, нередко приходилось сталкиваться с крестьянской «деликатностью», за которой скрывалось истинное отношение к человеку, его действиям и словам. В еще большей степени это касалось определенных проявлений коллективной памяти, которые стремились скрыть от чужих ушей.

В связи с этим особое значение имеет информация, отрефлексованная самими представителями изучаемого социума. В советское время, когда «выходцам из народа» были открыты двери в университеты, решение этой проблемы облегчилось. Представитель социума, получив соответствующее образование, мог изучать его «изнутри». Однако в действительности таких случаев было немного. Прежде всего потому, что культурный маргинал, получивший возможность вырваться из своей среды, нередко стремился полностью порвать все контакты с ней. С другой стороны, являясь носителем первичной социализации, такой человек подсознательно оставался приверженцем существовавших в его среде традиций и норм и не мог их нарушать.

При этом в отечественных архивах отложились значительные массивы документов, которые можно рассматривать как воспоминания или документы личного происхождения, но

«история» их возникновения существенно отличается от других, по формальным признакам схожих с ними источников. Имеются в виду результаты грандиозной по своему размаху работы исторической комиссии при ЦК коммунистической партии, перед которой в 1920-е гг. стояла задача комплектования разноуровневых документов, призванных помочь восстановить историю социально-освободительной борьбы во всем ее многообразии и различных проявлениях. Множество участников революционного движения и гражданской войны, а также те, кто просто хотел «примазаться к победителям», начали составлять свои воспоминания. Поскольку в подавляющем большинстве это были не очень образованные люди, не имевшие привычки к литературному труду, были составлены специальные инструкции, своего рода «вопросники», которые должны были будировать память мемуариста, наталкивать на размышление о каких-то событиях, которые самому ему не казались значительными. Это была грандиозная массовая работа по сбору свидетельств своего рода «устной истории». К ней привлекалось на основании партийной дисциплины большое число людей — как авторов, так и тех, кто выискивал потенциальных мемуаристов, проводил с ними работу. Если по какой-то причине участники событий не могли сами записывать воспоминания, их интервьюировали на основании того же «вопросника». Устраивались тематические вечера, на которых участники обсуждали тот или иной вопрос, а их беседа тщательно стенографировалась. Разумеется, исходя из целей этой работы, в основном обсуждались вопросы, связанные с малоизвестными эпизодами истории революции и гражданской войны. Имея перед собой конкретную задачу, сотрудник истпарта не всегда фиксировал не относящиеся к этой проблематике воспоминания. Вместе с тем, в части воспоминаний, написанных самими участниками событий, содержится и личная информация, характеризующая ту среду, из которой вышел и в которой социализировался автор воспоминаний.

В бывших партийных архивах оказались сконцентрированы сотни и тысячи разноуровневых по своей информационной ценности воспоминаний. До конца 1980-х гг. доступ исследователей к значительной части этих документов был закрыт. Часть их была опубликована, а также использована в качестве иллюстраций к истории революционных событий и гражданской войны.

Вместе с тем, в некоторых рукописях содержится информация, которую можно расценивать как историко-культурную и культурно-антропологическую. Тексты могут включать целые сюжеты, связанные с детскими воспоминаниями о жизни родной деревни, о запомнившихся событиях, касающихся

значимых праздников, массовых движений и пр.; могут содержать сохранившиеся в памяти предания, слышанные «от стариков». Значительный пласт информации присутствует в «скрытой» форме, не осознаваясь самим мемуаристом. Пользуясь определенным научным инструментарием, эту имплицитную информацию из источников можно извлечь.

Автором статьи было проанализировано около 300 документов, хранящихся в «фонде воспоминаний» Вологодского областного архива новейшей политической истории, и более тысячи — в Отделе документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области; а также воспоминания уроженцев северных губерний, хранящиеся в соответствующих фондах Центрального государственного архива истории политических движений в Санкт-Петербурге и Российского государственного архива социально-политической истории.

Надо сказать, что в областных архивах сохранились более непосредственные, не «вычищенные» тексты. Кроме собранных истпартами в это число входят воспоминания, комплектовавшиеся в 1960–1970-е гг. областными партархивами. Между этими двумя группами источников существуют значительные различия. Последние, например, составлялись людьми, находящимися уже «на склоне лет». С одной стороны, авторы таких воспоминаний в значительной степени находились «в плену» сформировавшейся идеологии; к тому же их целью нередко было создать перед потенциальным читателем, перед потомком некий соответствующий социальным стандартам «образ». Однако, с другой стороны, у мемуаристов 1960–1970-х гг., осознававших и оценивавших пройденную жизнь, возникало желание подробнее написать о своем детстве, об «ушедших» времени и культуре. Воспоминания, написанные «по горячим следам», еще совсем молодыми участниками событий, более искренни, непосредственны. Разумеется, авторы этих воспоминаний, являясь представителями традиционной культуры, были вместе с тем маргиналами, выдвинувшимися из своей среды под влиянием обстоятельств либо по собственному желанию. При этом в определенных оценках, представлениях и взглядах, отразившихся в собственноручно написанных воспоминаниях, присутствуют нормы и ценности, которые были свойственны крестьянскому социуму. В связи с этим интересно сравнить воспоминания, оставленные одним человеком, но написанные им в разное время: в поздних присутствует много деталей, связанных с детством, однако ранние тексты более непосредственны. Во втором случае автор не ставит задачу продемонстрировать себя, а, напротив, стремится наиболее честно описать то, что от него требовалось. К тому же в работе

истпарта присутствовала система рецензирования и обсуждения написанных текстов другими участниками событий, поэтому любая фальшь, любая неточность были бы замечены.

Если говорить о содержащейся в этих источниках «скрытой» информации, то в качестве примера можно остановиться на оценке и противопоставлении «своих» и «чужих», которые подспудно присутствуют в описаниях политических, конъюнктурных событий. Например, в северных губерниях в силу ряда обстоятельств (особенности колонизации территорий, специфика природно-климатических условий, обеспечившая различные виды хозяйственной деятельности и разный уровень достатка в соседних селениях) возникали неприязненные отношения у населения соседних волостей и даже соседних сельских сообществ. Один из авторов, описывая первый этап местной «гражданской войны», проявившейся в том, что «антибольшевистское» восстание против мобилизации в Красную армию в июле 1918 г. поддержали «верхние» волости уезда в противовес «нижним», объяснял это традиционной враждой между двумя частями уезда [Боговой 1918]. Опубликованные в газете воспоминания были написаны в 1918 г., «по горячим следам» событий, и их автор Иван Боговой, хотя и был активным сотрудником отдела пропаганды и агитации, воспользовался объяснением, которое для него как местного жителя было более привычным. Впоследствии Богового «поправили», найдя объяснение в экономическом различии районов: «верхние» волости были зажиточными, так как крестьяне занимались «домашними» промыслами (смолокурением), что не отвлекало их от сельского хозяйства, а жители «нижних» волостей вынуждены были уходить на заработки, забрасывая свои поля. В воспоминаниях другого свидетеля тех же событий присутствовал уже «классовый» подход: так, восстание устроили не столько «нижние» волости, сколько проживавшие там «кожевники, смолокуры, торговцы, при пассивном отношении основной массы крестьян» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 178. Л. 16, 19]. Впрочем, эти объяснения друг другу не противоречат: действительно, разные позиции, которые заняло население уезда во время политического конфликта, объяснялись внутренними трениями, вызванными различными экономическими условиями проживания населения. Немаловажным был и авторитет местных «хозяев»: надо полагать, что население деревни, если и не поддержит активно, то займет позицию «пассивной поддержки» в отношении своего соседа-предпринимателя, дающего ему заработок. Такого «авторитетного хозяина» не могло быть в среде пролетаризовавшегося населения деревень с развитым отходом. В качестве подтверждения такого вывода можно сослаться на то, что в земледельческих уездах

и губерниях подобные конфликты встречались значительно реже; там чаще фиксировались внутриобщинные конфликты, имеющие своим основанием внутреннюю имущественную дифференциацию.

Неприязнь к чужим волостям и деревнями присутствует в воспоминаниях участников установления советской власти, поскольку от сформировавшихся в раннем детстве установок не так легко было избавиться. Только оценки давались уже другие, основанные на «новой» идеологии: если это «чужая» волость, «чужая» деревня — то она «реакционная», «кулацкая», «пьяная». «Наша деревня, — пишет в своих воспоминаниях уроженец Шенкурского уезда Архангельской губернии, — издревле славилась самой боевой в волости», — и приводит примеры столкновений крестьян с казачьими карательными отрядами, направленными к ним на «усмирение» в 1906 г. Про соседнюю волость автор пишет, что она «всегда отличалась своей реакционностью. Эта волость была зажиточная. Народ работающий, только вот ужасная темнота засоряла головы мужиков белогвардейским мусором, с чем нам приходилось бороться долго и кропотливо» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 56. Л. 13, 62].

В нестабильную эпоху сложившаяся в давние времена под влиянием каких-то, возможно забытых, факторов межобщинная неприязнь актуализировалась и проявлялась с особой силой, усиливаясь за счет психологического напряжения, развившегося в предшествующие годы. Своя, местная «гражданская война» актуализировала коллективную память о каких-то давних, возможно вооруженных, конфликтах между местностями. Во время так называемого «восстания мобилизованных» 1918 г. в Шенкурске жители пригородных деревень «жили в ожидании чего-то страшного, крестьяне прятали имущество, старушки молились, все чего-то боялись. Шептались, что верхние волости идут, чтобы разогнать исполком, отобрать хлеб в нижних волостях и увезти» к себе [Боговой 1918]. Волость, не поддерживавшая восстания, подвергалась обструкции «со стороны соседних волостей», выразившейся в том, что ее населению «запрещали пользоваться проездными дорогами», «кожники отказывались принимать у них на выделку кожу и заказы на изготовление валенок», соседи воспользовались сложившейся ситуацией и «захватили спорные луга» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 178. Л. 5–6, 9–10]. В волостях, против которых предпринимались подобные экономические меры, формировались и другие страхи, например, появились «слухи, что из Шенкурска собирается приехать карательный отряд, выжечь [их] деревни, увести скот, коров, лошадей, имущество». Осенью того же года, когда уезд оказался прифронтовым, обиженные на советскую власть селения принимали решения о наложении

штрафов на просоветские волости, для их взыскания формировались отряды добровольцев, которые «забирали имущество, одежду, лошадей, скот», арестовывали жителей [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 178. Л. 30]. Вряд ли за короткий период существования советской власти реализация ее политики могла настолько посорить волости между собой, тем более что действия большевиков были направлены на создание внутриобщинных, а не межобщинных конфликтов. Видимо, политические события были только фоном для реализации накопившегося экономического и социокультурного раздражения, а для властей были придуманы «удобные» объяснения.

Различия между соседними деревнями местное население объясняло с помощью сохранившихся преданий, примером которых может служить легенда, существовавшая в Тимошенской волости Пинежского уезда и записанная в 1957 г. местным уроженцем А.Р. Ильиным (1904 г.р.) в своих воспоминаниях [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 201. Л. 148–152, 188]. Во время экспедиции в эту местность в 1989–1991 гг. автору данной статьи удалось зафиксировать лишь отдельные фрагменты этого предания. Прежде чем излагать его содержание, следует сказать несколько слов об этой местности. «Ядром» волости были две деревни, расположенные напротив друг друга через речку Нюхча, а также деревня Кучкас, находящаяся от них в семи километрах. По записанному автором воспоминаний преданию, первыми русскими поселенцами здесь были потомки новгородских промысловиков, ильменцев, получивших при проведении первой ревизии фамилию «Ильины».

[П]ервыми жителями с. Нюхча был некто Ильин со своими родичами и семьями, из Новгородских славян. Ильин участвовал в походах новгородцев на Север. Они натолкнулись на местное племя чуди, жившее здесь в землянках. Они были чуткие на слух и нюх — поэтому Нюхча. Но пришельцы вытеснили их со «стрелки» — «угола». Произошла смертельная битва. Оставшаяся чудь вплавь спаслась на другой берег. Новгородцы устроили тризну, а речку назвали Пышенца — от «пышной» тризны. Над могилой павших насыпали большой курган, а трупы племени «нюхча» закопали у болота. Кричали: «Пала Нюхча!» Отсюда название реки — Панюхча. Кое-кто пытался покопать курган, но ничего не нашли. Расчистки и сенокосы под курганом замерзали или гибли. Якобы, по ночам выходят мертвецы из кургана и встают из своих могил чудь. Славяне проклинают своих предков за бесцельную гибель, а чудь — своих соплеменников, что бежали с поля боя, призывают вернуться в родные места. Те и другие в обиде, что их потомки остались живыми и сроднились между собой, все решили мирно, а они вот лежат в земле.

Спасшаяся чудь перебралась на другой берег со своим предводителем Морозом, укрылись там. Новгородцы назвали это место Кучкас — кучка смелых. <...>

Позднее — то ли с Урала, то ли по дороге в Сибирь прибыл гордый как купец Байкалов со своими родичами. Стали заниматься земледелием. Устроились в Заречье на удобных землях. Из-за такой системы заселения происходили споры между деревнями. Дело доходило до кулачных боев. Якобы христианство принесли Байкаловы, построив у себя на высоком месте церковь. Долгое время сосуществовали с язычеством потомков новгородцев. Зареченские были более набожными, а Занюхченские более суеверными. А в Кучкасе ни во что особо не верили. Жили как-то обособленно [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 201. Л. 148].

В волости было своеобразное разделение не только хозяйственной деятельности, когда одни занимались промыслами, а другие земледелием, но и торговой (якобы, торговцы Ильины и Байкаловы договорились о «монополии» тех или иных товаров и об исключительном обеспечении предметами первой необходимости «своих» покупателей), а также управленческих функций. «Управление церковной общиной оставалось за Зареченскими, а сельской за Занюхченскими» [Там же. Л. 152]. Кроме легенды, объясняющей происхождение деревень, Ильин приводит предания, связанные с отдельными местностями, суть которых сводится к тому, что погибшие в битвах между «русью» и «чудью», видя, что современные жители живут между собой мирно, также сдружились и начали мстить потомкам в обиду на то, что их гибель оказалась напрасной. Этим объяснялось существование различных «гиблых» мест в окрестностях деревень и таких, на которых год от года случались неурожаи и пр. («Жители боялись кургана и болота и обходили их стороной» [Там же. Л. 147]).

Подобные рассказы, дававшие объяснение взаимоотношениям между соседними деревнями, имелись в каждой местности. Правда, редко в источниках откладывалось такое стройное описание генезиса всей местной социальной системы, как было приведено выше. Чаще воспоминания адаптированы к более близким событиям, связанным, например, с передачей спорных сенокосов и других участков земли в виде приданого дочерей либо со злым умыслом волостного писаря или старшины, тайно приписавшего спорный участок одной из деревень «за посулы». Как бы то ни было, сохранялась коллективная память, которая, мотивируя угрозу, исходящую от соседей, способствовала сплоченности жителей деревни. Так, во время революции и особенно гражданской войны принято было поддерживать ту или иную сторону («красных» или «белых») сообща, всей деревней.

Конфликты из-за земельных участков обострились в 1918 г., что объясняется, во-первых, бессилием законной власти, а во-вторых, усилением проблемы малоземелья. В связи с частыми конфликтами по этим вопросам, в воспоминаниях нередко присутствует объяснение, почему они не вспыхивали в прежнее время. Например, в деревне Захарово Верховажской волости Вельского уезда такой сенокос, расположенный на территории, принадлежавшей соседнему сообществу, во избежание конфликтов делили на участки и продавали на торгах соседям, которые претендовали на этот участок. Полученные таким образом деньги шли на совместные нужды владевшего спорным участком сообщества. «Излишки» считалось «неприличным» делить между общинниками, поэтому на оставшиеся деньги закупалась водка, которую коллективно пропивали. С этим ежегодным праздником были связаны и обычаи. Например, «по старой традиции сначала купали в обязательном порядке в реке молодоженов, а потом, добровольно, купались все остальные» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 11–12]. В 1918 г. этот превратившийся в традицию праздник был омрачен актуализировавшейся проблемой малоземелья; на «общинные» участки стали претендовать и сами члены сообщества, поэтому дружная пьянка переросла в поножовщину, которую пришлось останавливать с помощью вооруженного отряда [Там же. Л. 11–12]. Действительно, авторы воспоминаний чаще всего являлись членами сельских советов, волостных или уездных исполкомов; им по долгу службы приходилось расследовать возникавшие земельные конфликты. Будучи местными уроженцами, они пытались понять, почему в стабильные времена в отношении спорных земель и других междуобщинных проблем существовало «умолчание», выражавшееся в той или иной форме. Исследование этой информации позволяет выяснить, как складывались социальные связи между соседними сообществами, как сглаживались старинные обиды и конфликты.

В ряде воспоминаний присутствуют сюжеты, дающие представление о «народной педагогике». Специфика северных территорий заключалась в том, что мужчины большую часть жизни проводили «на чужой стороне». Сначала это были промыслы, однако со второй половины XIX в. все чаще мужскими занятиями становится «отход» на фабрично-заводские работы в город. Дети недополучали не только отцовского, но и материнского воспитания, поскольку женщины были заняты на сельскохозяйственных работах вне дома. Вспоминая о своем детстве в Онежском уезде Архангельской губернии, мемуарист пишет: «Родители, истомленные работой до усталости, от злости обращались с ребяташками грубо, с руганью, часто

били, а ребята ревели, втихомолку ругали родителей, т.к. считали, что получили побои напрасно. Но более быть приходилось летом с матерью. Отцы на лето уходили бурлачить, а мать сама пахала, косила, обрабатывала всю сельскохозяйственную работу сама, причем иногда беременная» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 34. Л. 9].

Уроженец отдаленной промысловой деревни Мезенского уезда, вспоминая о своем детстве, приводил много специфических подробностей: «У детей были уличные игры — в мяч, в палки, в шахарду, в нитье-кости, прыгать с сарая в сугробы снега. У некоторых отцы делали лыжи (кунды), на этих кундах рыскали по бескрайним просторам болот и лесов, ловили белых куропаток. Дети бедноты, в том числе я, до 10-летнего возраста не имели штанов, носили длинную полотняную рубашу, перевязанную по грудь также холщовым пояском». Особенно много внимания мемуарист уделил воспоминаниям о школе, которая в деревне появилась на его памяти: «Появились школы; сначала обучали попы. Стал учить поп и в нашей деревне Жердь <...> Утром приходит поп, задает уроки на весь день, и уходит. В школе — кто во что горазд, разное баловство творили. Вечером приходит поп, девочки все ему в голос с жалобами на ребят, что их обижают, и особо много сквернословят. Поп сначала опросит — кто что выучил. Потом заставит девочек принести дресвы — битого камня, посыпать на пол. В эту дресву поставит на колени мальчиков на полчаса, после этого распустит домой» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 168. Л. 5–6]. Далее автор воспоминаний подробно рассказывал о появлении в деревне первого «настоящего» учителя, об организации школьного обучения, о разговорах с учителем. Вообще это («революционное») поколение было первым, которое оказалось охваченным почти 100-процентной грамотностью. Школа, учитель, книги и занятия — одни из самых ярких воспоминаний, которые сохранила память мемуаристов. Следует сказать, что в воспоминаниях, например, Питирима Сорокина, уроженца северо-восточной части Вологодской губернии, написанных и опубликованных им в Америке на склоне жизни, также большое внимание уделено тому впечатлению, которое на него произвела школа [Сорокин 1992: 16–17].

В условиях недополучения родительского внимания социальный контроль над детьми осуществлялся локальным социумом. Однако в воспоминаниях акцент делался все же на семью, на роль отца и матери. Так, один из мемуаристов вспоминал о своем крестьянском детстве: «Интересно было наблюдать, как отец изготовлял орудия труда. <...> Сплавщики угостили кашей с маслом — прямо в подолы рубах. Мать отругала — нельзя брать чужого! <...> Старшие ребята подговаривали

воровать в огородах соседних деревень — родители за это ругали» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 94. Л. 4]. И совсем другое воспоминание о родительском воспитании оставил мемуарист, чье детство прошло на городской окраине. Он описывал, как «лазил по канавам под тротуарами около пивнушек в поисках монеток», занимался «воровством угля на складе, который продавал корзинками в кузницу». Показательно, что мать за это его не ругала, «так как отдавал деньги ей» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 174. Л. 2об].

Интересной составляющей воспоминаний является информация о хозяйственных занятиях населения родной деревни. Климатические условия северных губерний были таковы, что иногда в соседних деревнях хозяйственная деятельность, а соответственно и уровень благосостояния, различались. Северные крестьяне занимались земледелием в двух случаях: если были подходящие условия, прежде всего имелось достаточно лугов, чтобы держать коров и получать навоз для пашен, либо в условиях отсутствия других заработков. В относительно благоприятные 1880–1910-е гг. (до 1918 г.) основная масса крестьян промышленяла отхожими заработками. Это способствовало более высокому уровню благосостояния неземледельческих селений. Однако когда отхожие заработки и промыслы прекращались (так случилось, например, на рубеже XVIII–XIX вв., в 1860–1870-е гг., после 1918 г.), отходники возвращались в свои деревни. Соседние земледельческие селения, которые до этого с опаской, а затем и с завистью смотрели на отходников, превращались в объекты их притязаний на предмет «учета» хлебных запасов и «справедливого» его разделения. Авторы воспоминаний, если они были уроженцами неземледельческих волостей и селений, давали справку об экономическом положении населения с целью оправдать такую политику. Если же авторы воспоминаний были выходцами из земледельческих селений, они стремились оправдать своих односельчан, описывая, каким тяжелым трудом доставалось им благополучие. Вот пример такой «справки» о хозяйственном положении населения Вельского уезда:

Волости по реке Устье были богаты хлебом, а вверх по реке Ваге население занималось кустарными и отхожими промыслами. Часть деревень по р. Кулою, Кокшеньге и отчасти по Ваге были заняты смолокурением, производством серы и другими промыслами, связанными с лесным хозяйством. Кустарей-одиночек, сапожников, пильщиков, плотников, валеничников, горшечников было много в Успенской волости. По р. Пежме и Вели население наряду с сельским хозяйством находило заработки на заготовке и сплаве леса. Часть мужчин ежегодно уходили в Архангельск, Петроград, Москву, Ярославль. Некоторые возвращались к лету, другие

оставались и пролетаризировались. Урожай ржи был 30–40 пудов с десятины, то есть в два раза меньше потребности семьи. Лен сеяли на вырубках. На полях избегали, считая, что он вредит зерновым. Питание было плохим. Хотя коров и держали, но для навоза, и коровы доились плохо [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 14].

Председатель Мезенского исполкома, местный уроженец 1889 г.р., очень подробно и живо описывал занятия поморскими промыслами. Что-то он услышал от отца и других мужчин, что-то прочувствовал сам, принимая в этом участие. Вот отдельные фрагменты из весьма подробных воспоминаний. Выбраны те, которые касались лично мемуариста, остальные подробности промыслов более или менее известны из других источников.

Отец с матерью в детстве вместе ходили по миру, собирали куски. Когда выросли — поженились. Пошли дети — а их было 9 человек, двое умерли 10–15 лет, 4 сына и три дочери были выращены. Сначала отец имел одну избу. Потом вместе с матерью построили вторую избу, а когда мы подросли, обе избы покрыли сводом. Чтобы прокормить, одеть и обуть такую семью, отец научился все сам делать: плотничал с раннего утра около дома, а часов с 6–7 на поденщине за 40–50 копеек до заката солнца [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 168. Л. 85об].

[Отец д]о 1910 г. сходил 40 раз на промысел морзверя. Умел из дерева делать кросна и к ним все принадлежности, сани, коробки, оглобли, клещи, топорища, телегу, гнул полозья и дуги, делал бочки-кадки, ушаты, ведра, из бересты туесья, соху, борону и многое другое. Пахал, сеял, пока мы были малы — и жал хлеб, вешал на прясла. Потом, уже с нашей помощью, делал лодки. Кто этого не умел и не хотел делать — покупали [Там же. Л. 5–6].

Мой отец выходил 40 путин, а ничего не приобрел, только отморозил палец на ноге. Помню, бывало, придет с такого промысла отец, а в кармане пусто. В кисе только краюха мерзлого хлеба, но для нас и это был гостинец, т.к. у нас хлеб был ячневый, а отец приносил ржаной. Кроме того, в кисе отец приносил деревянные игрушки: лошадки, панки, резные побрякушки, сделанные им во время длинных зимних вечеров в курных избушках. <...>

Родные провожали кормильца в путь с причитанием: «на кого ты нас оставляешь и на кого ты нас покидаешь». Так уже было много веков из боязни, что не вернется домой [Там же. 19].

Весенняя путина — промышляли крупного морзверя, спящего на льду. Сюда принимали подростков, мне пришлось сходить пять раз, первый раз с отцом, а потом самостоятельно, один. Приедет, бывало, из Койды хозяин Малыгин Александр Григорьевич, на скорую руку созовут мужиков, кому сунет рубль, два, а то и три —

здаток под будущий промысел. И быстро уезжает, предупредив покрутчиков, когда и куда явиться. Договоренность всегда была словами. Женщины готовят промысловиков. Если дорога не испортилась — едут на лошадях до Мезени, оттуда пешком с котомками за плечами [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 168. Л. 10].

[Сам] пять раз ходил в село Койда в марте-апреле и оттуда плавал на зверобойку, работал на кулаков братьев Мальгиных, Александра, Федора, Ивана Григорьевичей. Первый раз ходил с отцом, принесли около 20 руб., я 8 и отец 12. Потом ходил еще 4 раза, но промысла не было. Два раза сходил в с. Пеша на подледный лов наваги на кулака К. Окладникова в сентябре-декабре. Один раз в с. Несь к кулаку Коткину. Первый год за работу получил 28 руб. потом по 40 руб. в год.

Два раза плавал по Белому морю на Канин Нос в р. Шойна на ловлю камбалы. Один раз сходил на подледный лов на озере ериша [Там же. Л. 85об].

Промысловая деятельность автора закончилась в 22 года, так как в 1910 г. он был призван в армию, откуда вернулся только в 1918-м.

В отдаленной пинежской деревне, по рассказу ее уроженца, население традиционно занималось лесной охотой, и «местные люди чувствовали себя в тайге как дома. Они определяли нужное направление и по звездам и солнцу, и даже луне, деревьям и муравейникам, по другим приметам. И время суток узнавали с точностью по приметам, часов и компаса не знали» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 201. Л. 196].

Из ремесел <...> мужики занесли из Сибири и Урала сапожное дело: они умели по-особому зачинять «обувку», шить фасонные сапоги на «косую» колодку, ботинки и «выступки» с пистончиками. <...> По преданиям, некоторые семьи <...> лучше умели вязать сети невода, валять валенки, лучше умели шить праздничные сарафаны — платья, даже пальто и «пиджаки» по-городскому могли делать. <...>

Знали кузнечное дело — могли сковать острогу для ловли рыбы лу-чем и все прочее, даже лошадь подковать, хотя <...> редко и мало кто подковывал лошадей. <...> Большегривые, длинношерстные зимой, и как «лощенные» летом, с длинными хвостами — защитой от гнуса, выносливые в зимние трескучие морозы и летнюю жару лошади удивительно, как горные козлы, вскарабкиваются даже в гололед на любую гору с любым возом и спускаются с любого подъема в упряжке с грузом. В болотах, грязях, в снегу, в «лывах» и кручах, они проворны как лоси. <...>

Керосин брали немногие. Жгли лучину. Мужики сами научились делать смолу, скипидар, деготь. Посудой обходились самодельной.

А если брали в лавке, то так берегли ее, что внукам и правнукам хватало. Краску прикупали редко и золотниками, железные изделия тоже не имели спросу [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 201. Л. 185–188].

Однако со временем охота перестала приносить достаточно средств, и крестьянам пришлось приступить к отхожим занятиям, что в конце концов привело к «закабалению» их местными торговцами: «[М]ужики занимались сплавом леса в город Пинегу, оттуда возвращались поздно, поэтому поздно и севом занимались». В связи с этим были постоянные неурожаи. Чтобы закупить хлеб, «брали кредиты под будущий сплав, под пушнину и дичь». «В 1918 г. торговцы оказались несговорчивыми, в кредит ничего не давали, а напротив, требовали срочного возвращения долгов — и своих, и отцовских, и дедовых, с процентами, и не деньгами, а натурой — телкой, коровой, овцой, лошадью. Потом хозяева стали сами ходить по дворам, собирать долги и проценты» [Там же. Л. 185, 187, 196]. Подробное объяснение «закабаления» населения и резкого имущественного расслоения давалось автором воспоминаний с целью объяснить, почему в этом «северном захолустье» произошло наиболее решительное разделение сплоченного, казалось бы, крестьянства на «красных» и «белых». Примирения не произошло и в последующие десятилетия — и в 1920-е, и в 1930-е гг. выяснение событий местной гражданской войны заканчивалось драками.

Уроженец Вологодской губернии описывал в своих воспоминаниях, как в Шуйской волости происходила скупка молока: «[С]давали целой деревней на год. Купец собирал сход, ставил ведро водки и начинал торг. Если кто-то пытался поднять цену, то купца поддерживало большинство, находившееся у него в долгу. В лучшем случае, крестьянам удавалось выторговать еще ведро водки. Дальше начиналась попойка — кружка водки ходила по кругу. Потом драка. Купец тем временем угощал хозяек. Лишь на следующий день мужики, очухавшись, начинали понимать, что годовой удой не столько продан, сколько пропит» [ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 182. Л. 3–4].

В воспоминаниях бывшего комсомольца присутствует описание быта лесорубов, относящееся к 1920-м гг., когда их автор был уездным агитатором и ездил к рабочим проводить «беседы»: «Жилища для рабочих-лесорубов и возчиков находились в деревнях, а в отделенных местностях строились курные избышки, в которых печь отсутствовала и топка осуществлялась на очагах, дым из помещения выходил в специально пробитое отверстие в стене около потолка. Местом для сна и отдыха служили деревянные обрубки около стен внутри

помещения: или засыпались землей, или застилались накатуш-ком. Постелью служила солома. Пища приготавливалась на очагах самими рабочими, хлеб хранился или в мороженом, или в сушеном виде. Лесорубы после изнурительного труда должны были топить очаги и приготавливать для себя пищу» [ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 210. Л. 17].

В связи с подробностями личной биографии (например, проходами в армию) или — что часто встречается в воспоминаниях «комсомольцев» — чтобы объяснить, с каким «злом» приходилось бороться, в воспоминаниях присутствуют описания народных обрядов. Они представляют особый интерес еще и потому, что относятся к 1914–1920 гг., т.е. к тому времени, которое почти не отражено в других источниках. Мемуарист, например, вспоминает, как в 1916 г. мобилизованные съезжали «гулять» из городов, где работали, на родину: «[Г]уляли <...> на лошадях. С флагом, гармошкой, с песней “Последний nonetheless денечек”» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 94. Л. 13].

Бывший комсомолец из Успенской волости Тотемского уезда Вологодской губернии оставил воспоминания о традиционных «свозах»; подробное описание должно было показать негативные стороны этого обычая, с которым комсомольцы боролись.

«Свозы» начинались с конца ноября и продолжались до святок. В определенное время, по своеобразному графику, в одной из деревень собирались девушки со всей округи — приезжали в гости к родственникам, к знакомым; привозили сундуки с нарядами, чтобы показать себя «во всей красе». За три вечера надо было переодеться шесть раз. Повторения в нарядах осуждались. Рассаживая гостей на «беседе», учитывали происхождение и наряды. Отдельные хозяйки до хрипоты, а иногда и до применения кулаков выторговывали для своей госты более выгодное место. Девушка должна была сидеть, не шелохнувшись, пока парень не пригласит ее на «кадриль» или на «метелицу», и держать на коленях незнакомого, а иногда и ненавистного парня. В последний вечер раздавали «редьки». Девушка, по выбору парня, должна была выйти в круг и получить удар бельевым вальком по седалищу. <...> Все тяготы по содержанию «бесед» несли девушки. На их средства нанимались помещения на всю зиму, оплачивалось отопление и освещение, уборка. А во время своза на вечер требовалось 15–20 керосиновых ламп. Если парень хотел с девушкой познакомиться, она должна была преподнести ему зачин — вышитый носовой платок, кисет, ремень к гармошке, даже деньги на водку. При расставании — то же («расстани») [ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 135. Л. 9–10].

В ряде воспоминаний приводятся «новые» частушки. Так, мемуарист описывает, что во время гражданской войны на территории Архангельской губернии в деревнях, взятых красными,

«всю ночь с девушками веселье — песни, пляски, музыка. Девушки поют частушки:

Гонят белы на работы, рыть блокгаузы, окопы.
Укреплять велят от тех, кто для нас дороже всех.

Девушки, война большая, через фронт давай уйдем.
Наших красных командиров на позициях найдем.

Приходи, милый, домой, иди, не беспокойся.
Ополченец часовой, ты его не бойся.
[ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 133]

В 1920-е гг. в Мезенском уезде женщины-активистки распевали частушку:

Меня выбрали недавно делегаткой в женотдел.
Мужу новость ту сказала —
Он от злости побелел.

Девичьи частушки:

Девка, в замуж-то иди,
Не надо и венчаться
В исполком только сходи
В книге расписаться.

Маменька, отдай, отдай
Желанно сподневаливай
Дом худой, парень любой
Отдай, не разговаривай.

Частушки, которые, по свидетельству мемуариста, распевали молодые парни-комсомольцы:

Наши деды любят бога
Две церкви построили
Хорошо как бы одну
На клуб бы перестроили.

Не дурной бы вышел клуб
Хоть из церкви маленькой
Уж теперь какой там бог
Он ведь стал уж старенький.

Завелась такая мода
У попа и кулака
У церковного порога
Была припрятана мука.
[ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 169. Л. 69–70]

Если автор воспоминаний обладал даром слова, имел пылкий ум, способность обращать внимание на детали, такие

тексты содержат подробные описания крестьянской жизни, наполненные живым содержанием. Уроженец Вельского уезда пишет о своих земляках: «Отличительной чертой большинства крестьянского населения было гостеприимство, а также трудолюбие. Однако некоторые семьи, особенно имеющие много детей, не обеспеченные продуктами сельского хозяйства и не имеющие возможности заработать на стороне, вынуждены были нищенствовать. Было даже профессиональное нищенство. В Верховской волости таким нищим был здоровый на вид Алеша Сальников. На собранные куски хлеба он покупал пачку чая, фунта 2–3 сахару, все это погружал в самовар и пил густой как смола чай, не выходя из-за стола 2–3 часа, распевая песню. У него была подруга, такая же нищенка, которая развлекала детей пением и плясками, а они давали ей еду, которую удавалось стащить из дому. Алеша умер во время одного из чаепитий, хоронили его всем обществом, как принято уважаемых людей» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 36]. Рассказывая об образе жизни населения отдаленной местности Мезенского уезда, другой автор пишет: «Летней дороги туда не было. Зимой можно было добраться только по льду реки Пезы, а летом на лодке. Поп, и тот раз в два года туда приезжал. Сколько за два года ребят народится — всех сразу в реке и окрестит. Кто умер — всех на кладбище сразу отпевает. А потом собирал подавания со всех: молоком, сметаной, маслом, птицей, лесом, шерстью, хлебом и прочим» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 168. Л. 19].

Среди авторов воспоминаний были люди, обладавшие своего рода историческим сознанием. Благодаря этому, их память сохранила рассказы, когда-то слышанные от «стариков». Так, в Онежском уезде «старики вспоминали, как в 1854 году боялись прихода англичан, зарывали свое имущество в землю и уходили из деревень в леса, где и жили в шалашах — а теперь ничего подобного, англичан уже не боялись» [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 106. Л. 12]. Тот же мемуарист приводит ходившие в 1918 г. слухи, будто «Архангельская губерния еще царем была продана Англии, и мы скоро все будем под английской властью» [Там же].

Вообще данный источник содержит большое количество сведений о всевозможных «слухах». В основном эти слухи касались тех «страхов», которые распространялись в отдаленных местностях и даже в городах в условиях отсутствия достоверной информации в нестабильные времена 1917–1921 гг. Но упоминаются и другие «слухи». Так, по воспоминаниям сына питерского рабочего, жившего в детстве у деда в северной деревне, «в деревню приезжали неизвестные люди и покупали детей, которых куда-то увозили. В народе говорили, что теперь они будут сыты — будут помогать нищим в городе собирать

милостыню. Одни будут поводьями слепых, других возьмут в цирки и балаганы, и им там будет весело <...> Деревенских девочек тоже покупали — увозили в публичные дома» [ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 181. Л. 2об]. Судя по всему, это были «страшилки», распространенные среди детей в начале XX в., когда в условиях «демографического взрыва» семьи стремились «лишних» детей отдать в обучение городским ремесленникам и торговцам. Поскольку значительная часть авторов прошли этот путь, то в воспоминаниях присутствует много подробностей о жизни таких «Ванек Жуковых».

Этот вид источников содержит персонифицированную информацию о процессе имущественного расслоения деревни. По-видимому, это единственная возможность получить массовые сведения о деревенских «богачах». Уроженец Посадской волости Онежского уезда О.А. Бахматов передает в своих воспоминаниях «слухи», которые ходили об источниках богатств местных богатеев [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 34. Л. 11–14]. Как правило, объяснение феномену внезапного богатства находили в криминальном преступлении, в мошенничестве, в какой-то чудесной находке или «выгодном» браке на городской богачке. «Бытописатель» Тимошенской волости Пинежского уезда не только объясняет происхождение семейств местных богачей, но дает описание их деятельности непосредственно накануне и во время революции.

Байкаловы взяли на себя «заботу» обеспечивать население нефтепродуктами и железными товарами, потому как он, Байкалов, лучше всех сведущ был по этим товарам — знал, где и как их достать. И Байкалов, и Ильин субсидировали мужиков под коровьи и телячьи кожи, под овчины, и рады были помочь в хозяйстве на случай нужды, допустим, в жнитво или страду. <...>

Жители деревни «Заречье» попали в кабалу постепенно к Байкалову, Занюхчи — к Ильину, а Кучкаские к Епифану Морозову.

Торговля провизией, всей бакалейкой, кожевенными товарами, охотничьими принадлежностями, пуговками и ленточками, ситцем и «чертовой» кожей, крючками и гребешками, зеркальцами и девичьими румянами, шальями и «китайкой», капканами и солью, куревом и карандашами — оставалась за Ильиными, на то между Байкаловым и Ильиным договоренность была. Но тот и другой понемногу и потихоньку друг от друга поторговывали тем и другим <...> Узнавали и делали друг другу предупреждения <...> Гордые Байкаловы хирели. Ильины, забыв договор, торговали всем, что имело спрос. <...>

Последний из рода Байкаловых, гордый, энергичный, весь в своих предков, Максим Максимович, испробовал поправить свои

пошатнувшиеся дела на торговле лесом-сухостоем, сплавляя его силами мужиков по Пинеге, но из этого ничего не получилось. Хитрые Ильины и здесь им дорогу перешли — тоже занялись лесоторговлей, и в более широком масштабе: платили лесорубам и сплавщикам больше, харчи давали под будущий сезон. <...> Думал Байкалов Максим водяную мельницу поставить, а последний из Ильинского рода, Алексей Михайлович со своим младшим сыном Михаилом поставил мельницу на речушке Большая Панюхча. <...>

Байкаловы до бедняков докатились, но держались гордо. Даже с советской властью в 1918–1920 годах в борьбу вступили [ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 201. Л. 188, 196].

Таким образом, представленный читателю архивный материал можно рассматривать как нарративный, биографический и в какой-то степени фольклорный источник. Он содержит информацию, которую можно подвергнуть качественному анализу, проверить путем сравнительного анализа со сведениями, полученными другими способами, в частности, с полевой информацией.

Список сокращений

- Архив УФСБ — Архив Управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области
 ВОАНПИ — Вологодский областной архив новейшей политической истории
 ГААО — Государственный архив Архангельской области, Отдел документов социально-политической истории
 Истпарт — Комиссия по изучению истории Коммунистической партии и истории Октябрьской революции
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
 ЦГАИПД — Центральный государственный архив истории политических движений, Санкт-Петербург

Библиография

- Боговой Ив.* Из пережитого. О Шенкурских событиях // Известия Бюро Архангельского губернского исполнительного комитета С.Р. и К.Д. 1918, 7 нояб.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А.В. Липского. М: Терра; Моск. рабочий, 1992.

Архивные материалы

- Архив УФСБ. Д. П-21274. Т. 7. Дело по обвинению крестьян Есютинской волости Вельского уезда в контрреволюционном восстании. 1921 г.
- ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 135. Воспоминания П.И. Петухова. 1960 г.
- ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 181. Воспоминания Н.М. Трифонова.
- ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 182. Воспоминания Н.М. Трусова.
- ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 210. Воспоминания В.Ф. Шульгина.
- ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 2. Д. 58. Переписка Вологодского губкома ВКП (б), 1920–1921 г. Отчет председателя укома Н. Конева о беспартийных конференциях в Вельском уезде.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 34. Воспоминания О.А. Бахматова. 1939 г.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 56. Воспоминания Ив. Булатова. 1923 г.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Воспоминания Ф.В. Бызалова. 1963 г.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 94. Воспоминания Д.И. Воробьева. 1933–1965 гг.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 106. Воспоминания В.А. Гладышева. 1927 г.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 168. Воспоминания А.В. Епишкина. 1935, 1961 гг.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 169. Воспоминания А.В. Епишкина. 1961 г.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 178. Воспоминания П.В. Журавлева. 1928–1935 гг.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 201. Воспоминания А.Р. Ильина. 1957 г.
- ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 174. Воспоминания А.В. Шестакова. 1923 г.